

ДИАСПОРЫ В РОССИИ: МОЛДАВСКАЯ И ТАДЖИКСКАЯ ДИАСПОРЫ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Владимир И. МУКОМЕЛЬ

Москва, Российская Академия Наук, Институт социологии
Доктор социологических наук, главный научный сотрудник
e-mail: mukomel@mail.ru

The paper analyzes peculiarities of the transformation of the Moldovan and Tajik Diasporas in Russia after the USSR collapse. The author argues that the similarity between these Diasporas lies in the similar motivation and economic strategies of the diaspora members, who mainly sacrifice social status in exchange for economic wealth which allows to provide for acceptable conditions for their families. The Tajik and Moldovan Diasporas have growing numbers of members obtaining the citizenship of Russia and have considerable numbers of long-term and circular migrants oriented towards integration in Russia and applying for the Russian citizenship. The differences between the Moldovan and Tajik Diasporas lie in the social behavior of their members explained by the gap between the functioning of the Russian and sending societies – which is insignificant in the case of Moldova and considerable in the case of Tajikistan. The paper is based on the research of the Moldovan and Tajik Diasporas in Russia conducted in 2011 and 2014 accordingly.

Политические аспекты проблем взаимодействия диаспоры с государством и обществом как принимающей, так и посылающей страны, ее (само)организации привлекают все большее внимание политиков, часто склонных к поиску простых и базирующихся на «здоровом смысле» решений. Однако, управленческие решения редко оказываются эффективными, если они не базируются на понимании сложных вопросов трансформации диаспоры: изменении идентичности ее представителей, их мотивации, жизненных планов и стратегий поведения в принимающем и посылающем сообществах – вне контекста социально-экономического поведения членов диаспоры, оказывающего большое влияние на формирование солидарностей, консолидации и лояльности диаспоры¹.

В настоящей публикации рассматриваются некоторые вопросы трансформации молдавской и таджикской диаспор в Российской Федерации, основывающиеся на исследованиях соответствующих диаспор, проведенных в России и Молдове. Исследование молдавской диаспоры включало (2011 год) опрос 119 мигрантов и 183 членов мигрантских домохозяйств в Молдове, 394 мигрантов в России, 4 фокус-группы – в Молдове и 5 фокус-групп – в России, 10 глубинных экспертных интервью в Молдове и 7 глубинных экспертных интервью – в России [2]. Исследование таджикской диаспоры включало опрос 725 представителей диаспоры и 25 глубинных интервью, проведенных в российских регионах в 2014 году [3].

Молдавская и таджикская диаспоры – одни из наиболее сформировавшихся после распада СССР новых диаспор, которые широко представлены в разных регионах России. Между ними много общего, но много и различий.

Первое, что их объединяет – мотивация приезда в Россию: как граждане Молдовы, так и граждане Таджикистана приезжают на заработки или переезжают на постоянное место жительства, движимые стремлением обеспечить лучшие социально-экономические условия себе и членам своих семей. Экономические мотивы доминируют. При этом имеют место и иные мотивы: получить образование, профессию, создать семью, уклониться от службы в армии, отрешиться от социума посылающей страны и прочее. Однако они побочны: более 4/5 представителей диаспор стремятся, в первую очередь, заработать.

Второе, что является общим для молдавской и таджикской диаспор в России – решающее значение для принятия решения о своих перспективных жизненных планах респондентами играют не столько факторы притяжения, сколько выталкивающие факторы. Не-верие в изменение в лучшую сторону условий жизни в Молдове и Таджикистане в ближайшие годы характерно как для молдаван, так и таджиков, пребывающих в России.

Третье, что их объединяет, – многие граждане Молдовы и Таджикистана, являясь долгосрочными мигрантами и годами, не выезжая из России, проживают в России практически постоянно: до 2/5 респондентов, опрошенных в Рос-

сии, не покидали ее на протяжении 14 месяцев до проведения опроса. Большинство из этих долгосрочных мигрантов и часть циркулярных мигрантов интегрировались в российское общество и ориентируется на то, чтобы остаться в России навсегда: остаться в России намерены 37% молдаван (еще 1/5 респондентов намерены вернуться, но не в ближайшие пять лет) и 38% таджикстанцев, опрошенных в России (потенциал будущих россиян молдавского и таджикского происхождения примерно равен, но в таджикской диаспоре обозначилась новая тенденция: часть впервые приехавших в Россию молодых людей изначально нацелены на то, чтобы осесть в России). Как для молдаван, так и для таджиков, пребывающих в России, возжеланным является российское гражданство; даже те, кто не собирается оставаться в России, стремятся его получить, чтобы не испытывать дискриминацию в различных сферах (в первую очередь, на рынке труда).

Стремясь получить достойную оплату за свой труд, представители диаспор меняют вид экономической деятельности: 72% представителей таджикской диаспоры, имевших опыт работы на Родине, сменили отрасль, в которой они работали до приезда в Россию. Среди представителей молдавской диаспоры вид экономической деятельности сменили 3/4 респондентов; из тех, кто до приезда в Россию работали в сфере образования, лишь 3% работали в этой сфере и в России; из работавших в здравоохранении в Молдове, таковых в этой сфере после переезда в Россию не было зафиксировано ни одного респондента. Представители диаспоры сознательно идут на изменение своего социального статуса: среди таджиков 2/3 сменили профессиональную группу, среди молдаван, имевший опыт работы в Республике Молдова, около половины респондентов были заняты на неквалифицированных работах. Статус в обмен на заработок – сознательный выбор представителей диаспоры, особенно на первых порах, когда идет процесс адаптации к российским реалиям: высокообразованные и квалифицированные специалисты уходят в прибыльные виды деятельности: мужчины – в строительство и торговлю, женщины – в торговлю (как молдаване, так и таджики концентрируются, в первую очередь,

в сфере торговли и строительстве. Имеются нюансы: среди молдаван многие заняты в сфере услуг (преимущественно – женщины), среди таджиков – в коммунальном хозяйстве).

Как представители молдавской, так и таджикской диаспор оказывают помощь членам своей семьи на Родине, при этом основная часть расходов оставшейся в стране происхождения семьи идет на текущее потребление, существенно меньшую долю расходов составляет оплата образования детей, расходы на здравоохранение.

Экономическое поведение представителей молдавской и таджикской диаспоры слабо различается, более существенны различия в социальном поведении. Первое, что лежит на поверхности – молдаване, в отличие от таджиков, не принадлежат к «видимому меньшинству». В проведенном в 2015 г. Институтом социологии РАН исследовании, включавшем 40 фокус-групп в пяти регионах России², ни на одной из фокус-групп не вставал вопрос о молдаванах: для россиян они невидимы, не выделяясь физиологически, ни по другим параметрам в российских локальных сообществах. Соответственно, в отличие от таджиков, молдаване практически не сталкиваются с ксенофобными настроениями, весьма широко распространенными в российском обществе.

Второе отличие молдавской диаспоры от таджикской: молдаване имеют выбор страны назначения при принятии решения о долгосрочной или циркулярной миграции. Если для граждан Молдовы возможны варианты поездок на Запад, или на Восток, для граждан Таджикистана альтернативы России практически не имеется: по различным оценкам, от 95% до 98% таджикстанцев выезжают в Россию. Играет роль и различия в расстоянии: в отличие от граждан Молдовы, возможности граждан Таджикистана по частому пересечению российской границы ограничены стоимостью поездок (незначительность расстояния и относительная дешевизна поездки на Родину способствовали большой доли молдаван, занятых в строительстве в России и ориентированных на циркулярные поездки).

Третье отличие диаспор определяется разными традициями посылающих обществ. В отличие

от молдавской диаспоры, в которой явно выражено «женское лицо», таджикская диаспора, преимущественно «мужская», хотя и здесь интенсивно идет процесс ее феминизации. Но, в традиции таджикского общества, отъезд женщины без мужчин не приветствуется; не осуждается только отъезд вдовых женщин. Парадоксально, что различные традиции и отношение общества к женской миграции приводит к сходным результатам: как среди представителей таджикской, так и среди представителей молдавской диаспоры, высока доля одиноких женщин с детьми. Однако, если среди таджичек преобладают вдовы женщины, то среди молдаванок – родившие вне брака и разведенные женщины. Одинокие женщины, особенно с детьми, в подавляющем большинстве не собираются возвращаться на Родину, но, если для таджичек огромное значение играет возможность выжить с детьми, дать им образование в России, то для молдавских женщин, часто приехавших из молдавских сел и небольших городов, важное значение имеет отчуждение от (а отчасти и осуждение) посылающего сообщества. Почти 2/3 из них не выезжали из России более года и не поддерживают связь с местным сообществом в Молдове.

Миграция негативно сказывается на семейных отношениях, отношениях с детьми среди представителей молдавской диаспоры (редкие семьи молдаван – каждая четвертая в нашем обследовании – проживают в России с детьми, чаще оставляя их на старшее поколение). 13,7% молдавских мигрантов и 15,4% опрошенных членов семей указали, что отношения в браке ухудшились по сравнению с теми, что существовали до миграции. 9,2% мигрантов и 8,7% членов хозяйств указали, что ухудшились и отношения между детьми и родителями.

Среди таджиков, находящихся в России, такое влияние миграции не выражено. Отчасти это результат специфики положения исламской женщины и семейно-брачных отношений в мусульманском сообществе. Отчасти – следствие того, что часть таджиков – около 7% по нашим обследованиям имеют вторую семью в России (столь же распространен феномен «второй семьи» и среди молдаван).

Для молдаван, проживающих в России с детьми, значима проблема утраты детьми материнского языка. Происходит «экспансия» русского языка, то есть постепенно сокращение ситуаций использования румынского языка. Дети мигрантов, вырастающие в России, зачастую предпочитают говорить по-русски, даже если понимают румынский язык, в силу их социализации в российской среде. Практикуемый мигрантами билингвизм ограничивается воспринятыми мигрантами из российского общества нормами, в соответствии с которыми румынский язык используется в приватной сфере, тогда как публичное пространство закрепляется за русским языком. Подобной экспансии русского языка способствуют и другие факторы. Молдавские мигранты редко работают со своими соотечественниками. Лишь 18% респондентов трудятся в коллективах с преобладанием молдаван. Однако, даже работая в чисто молдавских коллективах, мигранты чаще общаются на русском языке.

Для представителей таджикской диаспоры эта проблема пока не столь значима, хотя четко обозначена тенденция преобладающего использования детьми русского языка или билингвизм. Отчасти, это следствие того, что таджикские матери в России хуже знают русский язык, чем их дети, особенно родившиеся в России, и общение с детьми в семье идет в основном на материнском языке.

Учитывая, что значительная часть представителей и молдавской, и таджикской диаспор стремятся остаться в России навсегда, среди них распространено желание дать образование детям в России. Среди опрошенных в России молдаван, доля выбирающих Россию для образования своих детей, составила 39%, число отдающих предпочтение Молдове меньше – 29%. Мигранты, опрошенные в Республике Молдова, и члены их хозяйств, в большинстве своем, планируют предоставить своим детям специальное или высшее образование в Республике Молдова – 67,5%, в Российской Федерации – 10,0%.

Что объединяет социальное поведение представителей молдавской и таджикской диаспор, так это глубочайшее институциональное, межгрупповое и межличностное недоверие, проявляющееся как в посылающем, так и в принимающем

обществ. Недоверие к российским социальным институтам у значительной части представителей молдавской диаспоры сочетается с недоверием и к представителям молдавских властей, к НПО, к соотечественникам (примечательно, что представители таджикской диаспоры относятся более позитивно к российским институтам, чем молдаване). Доверие респондентов-молдаван ограничено членами семьи и ближайшим окружением, круги доверия респондентов-таджиков несколько шире, но также не выходят за рамки расширенной семьи и семейного клана.

Очень схоже отношение молдаван и таджиков к деятельности диаспоральных организаций. Во-первых, подавляющее большинство респондентов ничего не знает о последних: о существовании таджикских и молдавских этнонациональных организаций в России знает лишь каждый пятый представитель (респондент) соответствующей диаспоры, за помощью в молдавские национально-культурные организации обращались лишь 7% респондентов. Отчасти, это следствие отсутствия доверия к ним как к институту, доверия к их лидерам, отчасти – слабыми возможностями организаций по оказанию реальной помощи представителям диаспоры. Во-вторых, как в молдавской, так и в таджикской диаспоре, идет борьба между лидерами диаспоральных организаций (особенно в таджикской диаспоре), заинтересованных в позиционировании себя в качестве моста между властями страны происхождения и Россией,

что также не способствует росту их авторитета и влияния, консолидации диаспоры.

Состав диаспор постоянно изменяется и границы между ее ядром, полупериферией и периферией подвижны. Периферия диаспоры постоянно пополняется за счет трудовых мигрантов, как циркулярных (в первую очередь, сезонных мигрантов), так и впервые прибывших. По мере пересмотра своих планов и адаптации в России, часть из них пополняют полупериферию. В свою очередь, представители полупериферии, по мере интеграции, включаются в ядро диаспоры. Пристального внимания заслуживают процессы трансформации идентичностей членов диаспоры, сопровождающими эти траектории. В диаспоре идет размывание идентичностей, особенно во втором поколении, частично утрачивающем знание языка, связи с конкретной местностью и государством происхождения. Основными компонентами идентичности членов таджикской диаспоры являются национальность, религия, язык, гражданство, региональная принадлежность. Менее выражена иерархия идентичностей представителей молдавской диаспоры. Хотя, похоже, на первом плане – этническая принадлежность.

¹ Вопрос дефиниции «диаспоры» дискуссионен; в данном тексте использован подход, согласно которому термин «диаспора» применим «к эмигрантам и их потомкам, которые проживают за пределами страны своего рождения или происхождения на временной либо постоянной основе, но по-прежнему поддерживают эмоциональные и материальные связи со странами их происхождения» [3, р. 15].

² Исследования при поддержке Российского научного фонда, проект 15-18-00138

Литература:

1. Agunias D.R., Newland K. Developing a Road Map for Engaging Diasporas in Development: A Handbook for Policymakers and Practitioners in Home and Host Countries. IOM – MPI, 2012.
2. Мукомель В., Кеяну-Андрей Д. Молдаване в Российской Федерации: социально-экономический профиль и вызовы на уровне политик. – Кишинев, Миссия MOM в Респуб-блике Молдова, 2013, http://iom.md/attachments/110_rfinalru.pdf
3. Мукомель В. Диаспора – партнер по развитию Таджикистана. – Душанбе, Миссия MOM в Респуб-блике Таджикистан. 2014.